Научная статья
УДК 94(470)“1990” + 94:159.953 + 327.2
doi 10.15826/tetm.2021.3.018

Политика памяти в России 1990-х

Алексей Ильич Миллер[1,2]

[1] *Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, ИНИОН РАН, Москва, Россия*
[2] *Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия*

millera2006@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8139-0976

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления политического использования прошлого в России 1990-х — покаяние в сфере международных отношений и во внутренней политике, осуждение грехов коммунистического режима, попытка формирования нового мифа основания и причины ее неудачи.

Ключевые слова: Россия, политика памяти, 1990-е, покаяние, международные отношения, миф основания

Для цитирования: Миллер А. И. Политика памяти в России 1990-х // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 3. С. 13–18. doi 10.15826/tetm.2021.3.018.

Original article

Politics of Memory in Russia in 1990s

Alexei I. Miller[1,2]

[1] *European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia*
[2] *Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

millera2006@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8139-0976

Abstract. The article provides an overview of the main directions of the politics of memory in Russia of 1990s — penitence in international relations and in domestic politics, the condemnation of the crimes of the communist regime, attempts to establish a new foundation myth and the causes of their failure.

Keywords: Russia, politics of memory, 1990s, penitence, international relations, foundation myth

For citation: Miller, A. I. (2021). Politika pamyati v Rossii 1990-kh [Politics of Memory in Russia in 1990s]. *Tempus et Memoria*, 2, 3, 13–18. (In Russ.). doi 10.15826/tetm.2021.3.018.

Занимаясь подготовкой конференции по политике памяти в отношении 1990-х гг., прошедшей в Ельцин Центре 15–16 октября 2021 г., я с удивлением обнаружил, что о политике памяти в сам период 1990-х написано совсем немного[1]. Между тем для понимания того, как складывалась и складывается в XXI в. память о девяностых, знание о политике памяти

[1] Важное исключение см.: [Smith].

© Миллер А. И., 2021

в первое десятилетие после распада СССР весьма полезно. Задача этой статьи — структурировать проблемное поле «политика памяти в 1990-е годы»[2], что может послужить отправной точкой для конкретных исследований различных аспектов этой темы.

В этой общей теме есть несколько больших направлений. Можно сказать, что в девяностые у Б. Ельцина как у президента страны и у правительства было три, по крайней мере три, направления этой работы.

Покаяние и осуждение

Первое из таких направлений, где отчетливо видна преемственность по отношению к периоду правления М. Горбачева, это тема покаяния во внешней политике. Горбачев эту тему начал, Ельцин продолжил. Прежде всего это касалось пакта Молотова — Риббентропа и секретных протоколов, существование которых было наконец признано Советским Союзом и потом Россией. Другие важные сюжеты — катынское преступление и тема оккупации прибалтийских республик. Факт оккупации был признан еще Съездом народных депутатов в 1989 г., но когда в начале девяностых стало понятно, каким образом политически инструментализируется эта тема правительствами Латвии и Эстонии, которые исключили большинство поселившихся в республиках после 1940 г. из числа имеющих право на гражданство, больше об этом никогда в таком ключе власти российские не говорили. Ельцин также совершил акт покаяния в отношениях с Японией: в ходе визита в страну в октябре 1993 г. извинился за то, как в СССР обошлись с японскими военнопленными (многие из которых в течение более 10 лет не могли вернуться на родину после прекращения войны).

В этой сфере было проявлено достаточно решительности и благородства. Однако Ельцин иногда демонстрировал непонимание механизмов таких актов с точки зрения пиара. В Токио все было срежиссировано удачно: извинения прозвучали во время встречи с императором, что обеспечило максимальный эффект в глазах японцев. Иначе было в случае с Польшей. Может быть, один из самых драматичных актов покаяния, совершенных Ельциным, — возложение венка к памятнику жертвам катынского расстрела на главном воинском кладбище — варшавских Повозках в 1993 г. Ельцин встал там на колени (очевидным образом следуя жесту Вилли Брандта, когда канцлер ФРГ встал на колени перед памятником защитникам Варшавского гетто). Ельцин воспринимал этот акт как личный, и он видел эту картинку так, как ее часто показывают: Вилли Брандт один стоит на коленях перед памятником. Конечно, если посмотреть с другого ракурса, мы увидим, что в этот момент его снимает целая толпа фотокорреспондентов. Их не было с Ельциным. И отчасти поэтому в России мало кто помнит об этом факте. И в Польше тоже…

Другое важное направление политики памяти властей в девяностые — это то, что можно назвать «осуждением». Это прежде всего стремление заклеймить Коммунистическую партию, которая в эти годы оставалась главным конкурентом, и разобраться с преступлениями коммунистического режима. Причем проблема бралась достаточно широко: не только сталинский режим, а коммунистической режим как таковой. Это направление политики памяти можно оценить как череду неудач и недоработок. Наиболее важный акт — так называемый суд над КПСС, который проходил в 1992–1993 г. [Материалы дела…]. И то, как процесс был сконструирован (как защита легитимности указа Ельцина о запрете КПСС), и то как он был проведен, можно однозначно считать неудачей администрации.

На этом поле у Ельцина был достаточно мощный союзник — «Мемориал». Становление «Мемориала», как очень заметного мнемонического актора и игрока в сфере защиты прав человека, важное явление девяностых. Власти рассматривали «Мемориал» как союзника, помогали ему и включали его представителей в структуры властных органов. Председатель «Мемориала» Сергей Адамович Ковалев был первым уполномоченным по правам человека в России и одним из авторов главы 2 Конституции, посвященной правам человека. Значимость «Мемориала» была тем больше и потому, что

[2] Под политикой памяти мы понимаем целенаправленную работу властных структур и других мнемонических акторов по политическому использованию прошлого.

конкуренция на поле политики памяти была весьма ограниченной[3].

Уже в самом начале 1990-х «Мемориал» начал работу по сооружению памятников жертвам репрессий. В 1990 г. в Москве и Санкт-Петербурге были установлены Соловецкие камни. Они обозначали места, где предполагалось впоследствии установить памятники. Памятники и памятные знаки жертвам репрессий возникали в девяностые по всей стране. Однако памятник в столице, который бы носил общегосударственный характер и был частью общегосударственного регулярного акта памятования, тогда так и не был поставлен. Хотя уже в 1991 г. день 30 октября, установленный в диссидентской среде как день памяти жертв политических репрессий еще в 1970-е гг., решением Верховного Совета получил официальный статус, сценарий символических действий этого дня остался непроработанным. Постепенно Соловецкие камни из временных закладных знаков сами стали памятниками. Но они получили такой статус официально уже в 2000-е гг. и тогда же стали местом проведения инициированной «Мемориалом» акции «Возвращение имен»[4].

Задачи осуждения и покаяния объединялись в принятии законодательных актов о реабилитации. Еще в СССР в апреле 1991 г. был принят закон о реабилитации репрессированных народов. Для целого ряда народов, пострадавших от депортации в годы войны, это было и остается очень важным шагом и элементом их памяти. В 1992 г. закон был дополнен Постановлением Верховного Совета о реабилитации казачества. Символическое значение данных мер было очень велико, при этом было очевидно уже тогда, что полная реализация мер, предусмотренных актами о реабилитации, невозможна. Влияние закона о реабилитации репрессированных народов и постановления о реабилитации казачества на символическую политику в регионах и на политику идентичности различных групп населения — важная тема, изучение которой осложняется ее политической актуальностью и конфликтогенностью.

Важная тема, в которой содержался колоссальный потенциал для символической политики, это обнаружение в 1991 г., идентификация и захоронение в 1998 г. останков царской семьи. Эта тема была важна лично для Ельцина, на котором, как на первом секретаре Свердловского обкома, висел грех уничтожения Ипатьевского дома, в подвале которого царская семья была расстреляна. Однако потенциал темы в значительной мере был упущен из-за того, что Ельцину не удалось добиться сотрудничества со стороны РПЦ, отказавшейся признать подлинность останков и не участвовавшей в торжественном захоронении.

Алексий II также отказался подыграть администрации президента: Кремль хотел, чтобы инициатива захоронения тела Ленина исходила от РПЦ[5]. К теме похорон тела Ленина власти неоднократно возвращались вплоть до конца 1990-х гг. Мавзолей и кладбище у кремлевской стены вскоре превратились еще в один конфликтный вопрос символической политики. В 1997 г. Государственная дума приняла закон «О статусе Красной площади города Москвы», который запрещал любые изменения облика Красной площади, однако Совет Федерации закон не утвердил.

Положительная повестка

Третье важное направление можно было бы назвать положительный повесткой, это создание мест памяти, нарративов, мифов, которые бы работали на формирование той новой коллективной идентичности, которую в первой половине девяностых стремились создать Ельцин и его политические союзники. Речь шла об образе «новой России», о «новом начале истории», что требовало, конечно, нового «мифа основания». События, связанные с ГКЧП, путчем и сопротивлением ему в Москве

[3] Главным антагонистом «Мемориала» в этой сфере была монархически-националистическая «Память». Символически важным было противостояние в одном округе на выборах 1995 г. лидера «Памяти» Д. Васильева и С. Ковалева, закончившееся победой последнего. Постепенно важным конкурентом «Мемориала» в деле коммеморации жертв политических репрессий становится РПЦ. Попытки сотрудничества «Мемориала» и церкви на местах были уже в девяностые, но в целом такие мнемонические акторы воспринимали в это время друг друга скорее как конкурентов.

[4] Начало акции «Возвращение имен» у Соловецкого камня в Москве — 2007 г., а статус объекта культурного наследия Соловецкий камень на Лубянской площади получил в 2008 г.

[5] Лишь в XXI в. РПЦ станет надежным союзником светской власти в проведении политики памяти, в том числе и в перехвате у «Мемориала» ведущей роли в коммеморации жертв репрессий. Но уже в 1990-е РПЦ активно работала в сфере политики памяти с акцентом на новомучениках и репрессиях против верующих.

и в целом ряде других городов России, давали материал, который вполне можно было использовать для создания мифа основания новой России. Такая тенденция была, но работали с ней довольно неуклюже и вяло.

Власти не смогли превратить процесс над ГКЧП, как и процесс против КПРФ, в мощный инструмент публичной политики. В 1993 г. в отставку спешно был отправлен Генеральный прокурор В. Г. Степанков, а его преемник закрыл материалы дела ГКЧП. (В этом «закрытом» состоянии они пребывают и на сегодняшний день.) В результате август 1991 г. стал в массовом сознании не столько моментом основания новой России, сколько предметом для разнообразных конспирологических теорий.

Первые два года после победы над ГКЧП и были, собственно, тем окном возможностей, когда тема августа 1991 г. была вполне удобна для символической политики власти. После событий осени 1993 г., когда по парламенту стреляли танки и погибло намного больше людей, чем в 1991-м, выражение «защитники Белого дома» приобрело неудобный для властей двойственный смысл. А День флага, который адресовался к одному из ярчайших эпизодов августа 1991 г., когда противники ГКЧП пронесли по улицам Москвы колоссальное полотнище-триколор, получил официальный статус праздника только в 1994 г.

Вполне логично, что к середине 1990-х, потерпев целый ряд чувствительных неудач в сфере символической политики, Кремль обратился к уже проверенным временем ресурсам. Конечно, Октябрьская революция, служившая мифом основания в СССР, не была приемлема для властей в этом качестве. Ежегодные прежде парады на 7 ноября в девяностые уже не проводились. В 1996 г. 7 ноября указом президента стал Днем примирения и согласия. А в 1995 г. власти приложили немало усилий, чтобы празднование Дня Победы стало важным актом политики памяти. Красная площадь стала местом проведения парада ветеранов, а парад тяжелой военной техники был проведен на Поклонной горе. Ельцин выступил на обеих церемониях и вскоре издал указ о проведении празднования и Парада Победы ежегодно. С этого момента 9 Мая становится главным праздником новой России, а Победа выполняет роль главного исторического мифа.

Институционализация

Если сравнить деятельность российских властей в сфере институционализации политики памяти с деятельностью властей соседей России по Восточной Европе, то бросается в глаза резкое отличие. Власти бывших соцстран сразу после краха прежних режимов весьма энергично создавали инфраструктуру и институты для проведения политики памяти в виде институтов национальной памяти, различных комиссий по расследованию преступлений коммунистического режима и установлению ущерба от оккупации, музеев оккупации и геноцида и т. д. В России же к началу нового века такие правительственные институты или околоправительственные НПО практически отсутствовали [Bürger]. Отчасти такое «отставание» — свидетельство недооценки, особенно в первой половине 1990-х, значимости символической политики и политики памяти как ее части теми людьми, которые тогда находились у власти. Их ссылки постфактум на то, что было слишком много других, более неотложных задач, неубедительны, они даже не пытались делегировать кому-то эти задачи. Однако это лишь часть дела. В международных отношениях обращение к прошлому Ельцин и его сотрудники воспринимали скорее в духе «космополитического подхода» западноевропейских стран, при котором память была пространством, в котором «политическое» с его неизбывной конфликтностью преодолевалось [Миллер]. Они искренне не хотели принимать «антагонистический» подход к политике памяти, свойственный уже тогда восточноевропейским политикам. 2010-е годы — свидетельство того, что российские власти, как, впрочем, и политики Западной Европы, согласились с восточноевропейским подходом и благополучно его освоили.

Внутри страны Ельцин и его команда старались во всем дистанцироваться от практик коммунистического периода, в том числе и в политике памяти. Можно сказать, что во второй половине 1990-х власти оставили историков «без присмотра», впрочем, как и «без прокорма». Также власти практически отказались от контроля над школьными учебниками, результатом чего были широкий плюрализм и разнообразие в этой сфере. Рамки данного разнообразия включали и такие «эксцессы»,

которые с удовольствием вспоминают критики девяностых, когда говорят о низком качестве учебной литературы того периода. В 1990-е значительную роль в финансировании подготовки и издания учебников, а также в реализации исследовательских проектов в области истории играли иностранные структуры — фонд Сороса, многочисленные американские и немецкие фонды. Если мы посмотрим на ключевые темы историографии и учебников, которые политически окрашены, то увидим, во-первых, 1917-й год, но с упором на Февраль, когда была «правильная» революция, потом «испорченная» большевиками; во-вторых, Вторую мировую войну, но с упором на 1939 г., на «неудобную» часть этой проблематики. Третья тема — репрессии, но и в теме войны, и в теме репрессий происходили со временем существенные подвижки. Тема репрессий, как она развивалась в начале девяностых, это почти исключительно была тема 1937–1938 гг.

Политика памяти и символическая политика в целом не носили в 1990-е системного характера. В этой сфере было много упущенных возможностей и нерешенных вовремя задач. Новые темы политики памяти не прорабатывались с необходимой последовательностью и энергичностью. Это верно и для темы символического закрепления победы над ГКЧП, и для коммеморации жертв политических репрессий. Новый миф основания не был утвержден, что облегчило ревизию политики памяти в начале XXI в. Когда В. Путин пришел к власти, среди первых актов его символической политики было утверждение в Думе гимна и флага России, то есть даже вопрос об официальном утверждении ключевых символов страны был оставлен Ельциным в наследство преемнику.

Важной исследовательской задачей является включение периода 1990-х в те проекты по изучению политики памяти в регионах, которые интенсивно развиваются в последнее время в России. Сочетание интереса к памяти о 1990-х и к региональному измерению политики памяти несомненно даст синергетический эффект.

Список источников

Материалы дела о проверке конституционности указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР : в 6 т. М. : Изд-во «Спарк», 1996–1998.

Миллер А. И. Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и ее изучении? // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. С. 5–17.

Bürger P. State Programs, Institutions and Memory in Russia // Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / ed. by M. Brusis, J. Ahrens, M. S. Wessel. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 172–192.

Smith K. E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca, London : Cornell University Press, 2002. XI, 223 p.

References

Bürger, P. (2016). State Programs, Institutions and Memory in Russia. *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* / ed. by M. Brusis, J. Ahrens, M. S. Wessel. London: Palgrave Macmillan, 172–192.

Materialy dela o proverke konstitutsionnosti ukazov Prezidenta RF, kasayushchikhsya deyatel'nosti KPSS i KP RSFSR, a takzhe o proverke konstitutsionnosti KPSS i KP RSFSR: v. 6 t. [The Materials of the Process about the legality of the decrees of the President of RF concerning the activities of the KPSU and the KP of the RF] (1996–1998). M.: Izdatel'stvo «Spark».

Miller, A. I. (2021). Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamyati i ee izuchenii? [Introduction. Big changes. What's New in Politics of Memory and Its Research?]. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* / pod red. A. I. Millera, D. V. Efremenko. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 5–17.

Smith, K. E. (2002). *Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era.* Ithaca, London: Cornell University Press. xi. 223 p.

Сведения об авторе

Миллер Алексей Ильич — доктор исторических наук, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета, Санкт-Петербург, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Россия

Статья поступила в редакцию 15.11.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021;
принята к публикации 15.12.2021

Information about the author

Alexei I. Miller — Doct Sci. (History), Scientific Director of the Center for Research in Cultural Memory and Symbolic Politics, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg; Leading Research Fellow, INION RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 15.11.2021;
approved after reviewing 30.11.2021;
accepted for publication 15.12.2021